

[МАКС ГЛЕБОВ]

—БРИГАДНЫЙ ГЕНЕРАЛ—

ВСТРЕЧНЫЙ
УДАР

Макс Алексеевич Глебов
Встречный удар
Серия «Бригадный генерал», книга 4

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39481899
Макс Глебов Встречный удар:
ISBN 978-5-17-116647-2

Аннотация

Земля будущего переживает не самые лучшие времена. Некогда мирные страны охвачены огнем войны с кваргами, могущественная Империя пытается всеми силами одержать победу в схватках с врагом, а поиск союзников вынуждает обращать взор далеко в космические глубины. Часы тикают, приближается момент, когда вся планета может превратиться в пепелище.

Чем дальше, тем меньше надежды на успех. Это отчетливо понимает контр-адмирал Лавров и вся Земная Федерация. Хотя у них и появился союзник в этой жестокой войне, шансы на победу призрачно малы. Если не будет найден способ нанести встречный удар, это будет конец для Земли...

Макс Глебов

Встречный удар

Серийное оформление – Василий Половцев

Иллюстрация на обложке – Игорь Соловьев

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Цикл «Бригадный генерал»

© М. Глебов, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

БРИГАДНЫЙ ГЕНЕРАЛ

– Никогда бы не подумала, что они окажутся нашими дальними родственниками, даже в голову такое бы не пришло, – улыбнулась Инга. – Но если посмотреть на этих ящериц внимательно, то аналогия с нашими рептилиями просматривается очень наглядно. В Сети выложена куча коллажей, где наши новые союзники изображены чуть не в обнимку с комодскими варанами. Очень впечатляет.

– Ну, не так уж мы от них и далеки, – я тоже улыбнулся. – У нас с ящерами общие предки, а самая древняя часть нашего мозга досталась нам от рептилий в не слишком сильно измененном виде, так что шанс договориться у нас есть. Больше всего в этой истории мне нравится то, что нам с ними почти нечего делить. Теплые кислородные планеты для них, конечно, приятны, но для комфортной жизни им вполне достаточно условий Марса до его терраформирования.

– Да, их способность адаптироваться к внешним условиям

вызывает уважение. Нам бы так...

– Это все специфика пути развития, которым пошла их цивилизация. Они ведь намного древнее нас, но если мы изначально шли путем технического прогресса, и лишь потом, через сложное научное оборудование, через мощные компьютеры и роботизированные лаборатории, начали по-настоящему постигать генетику и биотехнологии, то они изначально шли биологическим путем. Лишь упершись в пределы возможностей живой материи, ящеры начали работать с неорганической природой, подчиняя ее себе, но опять же через призму своего биологического подхода. Отсюда и их нелюбовь к высокотемпературным технологиям, не выносит органика сильного нагрева. Поэтому и броню они не выплавляют, а выращивают, и двигатели у них вообще неясно на каких принципах работают. Вроде бы что-то гравитационное... но, кстати, в этом вопросе они от нас изрядно отстают. Зато из живой органики они могут лепить почти все что угодно.

– Если честно, я не могу понять, как они смогли продержаться против кваргов столько лет, – призналась Инга.

– Сложно сказать, – задумчиво проговорил я. – Мы о них пока слишком мало знаем. Как я понял, ящеры совершенно не собирались ни с кем воевать, как, впрочем, и мы до встречи с кваргами. Но, в отличие от нас, рептилии никогда не воевали даже между собой. Мы-то хотя бы сразу поняли, что происходит, когда кварги стали уничтожать наши кораб-

ли, а для ящеров это стало настоящим шоком, они никогда не сталкивались с подобными проявлениями агрессии и не имели понятия, как на такое реагировать. Впрочем, они довольно быстро сообразили, что нужно делать, а гибкость их технологий позволила им достойно ответить на удар. Возможно, в этом и кроется ответ на твой вопрос.

Мы лежали на террасе у бассейна, наслаждаясь ласковыми красноватыми лучами звезды Барнарда, и лениво беседовали о недавних событиях. Правительство планеты Лантана, более известной под стандартным названием Барнард-3, не забыло о своих почетных гражданах. Как оказалось, этот статус, присвоенный нам по итогам сражения за планету, предполагал пожизненное предоставление в пользование каждому его обладателю коттеджа с ухоженным садом, бассейном и всей сопутствующей инфраструктурой в одном из красивейших мест планеты – предгорьях Центрального хребта, разрезающего крупнейший континент практически посередине.

Десять дней отдыха я получил прямым приказом министра обороны, обязательным для исполнения и не подлежащим обсуждению. Где-то на третий день прогулок с Ингой по горным тропам, окруженным кедрами и какими-то местными хвойными деревьями, не уступающими земным собратьям ни красотой, ни размерами, я понял, что Бронштейн был абсолютно прав, заставив меня отвлечься от бесконечной столичной круговерти и хоть немного расслабиться. Я

медленно оттаивал, вдыхая аромат нагретой солнцем хвои, купаясь в бассейне, заполненном водой из горного ручья, и наслаждаясь обществом Инги, одевавшейся не в привычную форму защитного цвета, а в легкие летние платья или шорты с футболкой, а иногда и вообще ни во что, если у нее возникало соответствующее настроение.

Именно здесь, на берегу небольшого горного озера, куда мы пришли в один из вечеров, я решил, что, видимо, в обозримом будущем мне не представится лучшей возможности расставить правильные точки над нужными буквами в наших с Ингой отношениях.

– Как ты думаешь, – спросил я, лежа рядом с ней у воды и глядя на первые звезды, зажигающиеся в темнеющем небе, – трех с небольшим лет достаточно мужчине и женщине, чтобы понять, нужны ли они друг другу?

– Иногда для этого нужно гораздо меньше времени, – усмехнулась Инга, – особенно если ответ отрицательный. Но если ты о нашем случае, то для меня все стало окончательно ясно еще на Лейтене-5.

– И ты ни разу не попыталась дать мне это понять?

– Я только этим все время и занимаюсь, – немного грустно улыбнулась Инга, перевернувшись на живот и внимательно глядя на меня.

Ее заявление привело меня в легкое замешательство. С нашего первого свидания в пещере на Ганимеде Инга ни разу даже не намекнула мне о своем желании что-то изменить в

наших отношениях.

– Прости, наверное, я совсем отупел с этой бесконечной войной, раз уж не смог за все это время рассмотреть очевидное.

– А нечего было рассматривать, – ответила Инга, слегка качнув головой. – Если ты ничего не заметил, значит, я все сделала правильно.

– Ты говоришь загадками.

– Я боялась этого разговора, Игорь. Ты правильный парень, очень правильный, я бы даже сказала, слишком правильный. Ты ведь хотел сейчас предложить мне официально оформить наши отношения, я права?

– Хотел, – не стал я отрицать, – и все еще продолжаю хотеть. И вот прямо сейчас прошу твоего согласия стать моей женой.

– Ты... – начала Инга, чуть повысив голос, но сбилась, отвернулась и лишь через пару секунд продолжила: – Ты не понимаешь. Я люблю тебя, Лавров, но я скажу тебе «нет». Тебе не нужна семья, контр-адмирал, я это вижу. Не потому, что ты меня не любишь. Любишь, я ведь не слепая, но у тебя есть цель, настоящая цель, которая превышает всего. И эта цель не я, не дети, которых я могу тебе родить, не наше общее будущее. Если честно, я даже не уверена, что до конца понимаю твою цель, но идешь ты к ней красиво. Тебя можно любить уже только за то, как ты это делаешь, но это же закрывает возможность что-то изменить в наших отношениях.

Пойми, Лавров, мне не нужна семья, которая будет создана лишь потому, что «так надо», лишь из твоего чувства долга и понятий о том, как должен поступать настоящий мужчина и офицер. Именно это я и пыталась дать тебе понять. Я хочу быть с тобой, но я не буду ревновать тебя к твоей цели. Я знаю, что от этого будет только хуже. Я лучше подожду год, два, пять, десять лет, если будет нужно. Чем смогу я помогу тебе достичь того, чего ты хочешь. А потом... вот когда ты поймешь, что цель достигнута и что настало время подумать о себе и своем будущем, тогда ты и задашь мне снова свой вопрос... если захочешь, конечно. Возможно, тогда мой ответ будет другим, а пока извини, но нет.

Я обнял Ингу. Мы долго молча лежали, каждый думая о своем. Я понимал, что она права и что я действительно ничего не могу изменить в этом кривом раскладе, пока надо мной висит невыполненная задача, равная жизням сотен миллиардов людей по обе стороны еще не построенного гиперпорта.

Но сегодняшний день все же не пропал для меня зря. Он дал мне четкое понимание того, какую женщину я заполучил себе в подруги и как сильно я боюсь ее потерять.

* * *

Никто не прервал наш отпуск. На фронтах стояла удивительная тишина, наступившая сразу после сражения у Йоты

Персея. Кварги так и не прислали туда новый флот, который, по моим оценкам, имел все шансы на успешный захват системы (слишком мало у нас осталось сил), а ящеры еще не оправились от сокрушительного поражения, уничтожившего всю их орбитальную инфраструктуру.

С новыми союзниками все обернулось очень занятно. Ящеры оказались весьма сообразительными созданиями, и наше приглашение покататься на большом войсковом транспорте восприняли с пониманием, если не сказать с энтузиазмом. Им не пришлось объяснять, что здесь, на кораблях неожиданно и очень удачно появившегося дружественного флота, они не найдут тех, с кем можно вести настоящие переговоры о дальнейших отношениях встретившихся рас. Рептилии сами поняли, что те, кто прилетел к Йоте Персея в металлических кораблях хищного вида и хорошенько врезал злобным врагам, политесам, скорее всего, не обучены. Лучше всего в жизни они умеют именно воевать, а не разговоры разговаривать. А те, кто умеет договариваться, сидят совсем в другом месте, куда их, ящеров, собственно, и приглашают.

В результате, покинув Йоту Персея, наш флот отправился не в Солнечную систему, как это предполагалось ранее, а в один из окраинных миров Федерации, никогда не подвергавшийся атакам кваргов. Дружба дружбой, но вот так сразу показывать рептилиям дорогу к Земле явно не следовало, хотя кое-что ящерам продемонстрировать все-таки стоило, для создания, так сказать, нужного впечатления и правиль-

ного понимания, с кем им предстоит иметь дело.

Система звезды Тигардена на первый взгляд не представляла для колонизации никакой ценности. Мелкий дохленький красный карлик в созвездии Овна тускло светился на расстоянии двенадцати с половиной световых лет от Земли. Имея массу в четырнадцать раз меньше массы Солнца, светился он в сто тысяч раз слабее и по звездным меркам был еле тепленьким. Температура его фотосферы едва переваливала за три тысячи градусов, и толку от такой звезды, с точки зрения создания комфортных условий на планетах, не было никакого.

Однако привлекательность системы стала очевидна сразу после возвращения первых же отправленных туда экспедиций. Газовый гигант с полусотней спутников и два богатых ресурсами пояса астероидов, в которых нашлось несколько карликовых планет размером почти с Луну, сделали это заштатное местечко космическим Клондайком.

Сейчас три небольших искусственных солнца бодро светились на орбитах двух терраформированных астероидов и спутника планеты-гиганта, позволяя местным жителям не обращать никакого внимания на ущербность своей звезды, а огромные орбитальные заводы и верфи судостроительных комплексов формировали один из мощнейших промышленных районов Федерации. Картина действительно впечатляла. Почти полторы тысячи грузовых кораблей, одновременно находящихся в системе, создавали правильное пред-

ставление о масштабах деятельности людей в этом невзрачном уголке космоса, а охраняющий систему Четырнадцатый флот, вышедший в полном составе нам навстречу, должен был изрядно заинтересовать союзников, ни разу до этого момента не видевших земных боевых кораблей крупнее крейсера.

Сразу после выхода из прыжка за пределами второго пояса астероидов мы выпустили из трюма корабль ящеров и, равняясь на его неторопливое движение, направились к газовому гиганту, где располагалось ядро промышленной инфраструктуры системы.

Мы добирались сюда от Йоты Персея почти месяц. Естественно, за это время я успел встретиться с ящерами далеко не один раз. Конечно, серьезных переговоров мы не вели, но навести хоть какие-то мосты, организовать сам переговорный процесс, в конце концов, просто понять, как и на каком языке мы будем общаться, было просто необходимо.

Вопрос с языком общения рептилии решили за нас сами. Все-таки биологический путь развития имеет свои преимущества, что ящеры нам наглядно и продемонстрировали. Используя в качестве исходного сырья несколько видов пастообразной субстанции, они с помощью жидких модификаторов и каких-то не вполне ясных нам манипуляций выращивали самые неожиданные приспособления, причем зачастую на собственном теле.

Начали союзники с того, что надежно закрепили свой ко-

рабль в трюме системой тяжёлой, выросших прямо из его брони и надёжно прикрепившихся к стенам, полу и потолку. В результате «греческий орех» повис в геометрическом центре помещения, удерживаемый на месте идущими во всех направлениях толстыми и прочными на вид тросами.

Ну, а потом, когда я прибыл на приютивший союзников транспорт, из корабля, все так же через раскрывшиеся прямо в броне отверстия, появились ящеры, действительно очень смахивавшие на земных комодских варанов, только прямоходящих и не пренебрегающих одеждой. Вот только одежда эта оказалась непосредственным продолжением их тел, прорастая прямо из кожи, а заодно являясь комплексом оборудования, позволяющим рептилиям комфортно чувствовать себя на борту нашего корабля.

Впрочем, наша атмосфера и температура воздуха, похоже, не слишком их напрягали, во всяком случае, никаких изолирующих скафандров им не потребовалось. Вполне хватило выращенных прямо в ноздрах фильтров, очищавших воздух от незначительных примесей, не столько даже вредных, сколько просто неприятных для рептилий. Ну, а вопрос общения они решили, создав на нижних челюстях плоские наросты, способные издавать звуки, весьма схожие с человеческой речью.

Первую пару недель пришлось, конечно, изрядно помучиться, наращивая словарный запас союзников и пытаясь объяснить им грамматику и логику построения русского

языка, что оказалось особенно весело, учитывая, что нужных специалистов среди нас не нашлось. Но ученики нам попались очень старательные и весьма неглупые, так что прибывшие с Земли в систему звезды Тигардена дипломаты остались довольны, приступать к переговорам они могли хоть прямо сейчас.

Вот только прежде, чем отдать союзников в цепкие лапки наших переговорщиков, я все же решил выяснить кое-что для себя и задать ящерам несколько вопросов по давно интересовавшим меня темам. С кваргами эти ребята имели дело значительно дольше нас и знать о них могли очень много интересного.

Главной среди ящеров в системе Йоты Персея оказалась самка по имени Лит-та. Она занимала должность наподобие генерал-губернатора времен расцвета Британской империи. В системе Йоты Персея ее авторитет и полномочия были абсолютно непререкаемы. За пределами системы ее власть заканчивались, но, как я понял, учитывая обстоятельства, вожди рептилий наделили ее необходимыми полномочиями для ведения переговоров на любом уровне.

И я, и Лит-та прекрасно понимали, что мой контр-адмиральный чин и должность командующего в общем-то небольшим флотом сильно не дотягивают до ее статуса, но выпендриваться глава ящеров не сочла возможным, прекрасно помня, благодаря чьей помощи она и другие жители Йоты Персея все еще живы.

– Контрр-адмирралсс, – одновременно слегка рокоча и шипя, выговорила Лит-та, наклонив голову набок, – ты ведь здесь не ссамый сстаррший ни по званию, ни по возррассту. Ты оччень молод, но сстарршие сслушшаютсся тебя. Почему?

– Меня назначил командовать флотом верховный главнокомандующий Земной Федерации маршал Тобольский. Его распоряжения обязательны для исполнения всеми офицерами армии и флота. Подчиняясь мне, офицеры моего флота выполняют его приказ.

– Сстрранно... Нашша... верхховная главнокомандующая никогда бы не назначчила младшшую по званию командовать старшшими. Это невозможно у насс никогда. Но это у насс...

– Лит-та, а мужские особи у вас могут занимать высокие должности?

– Могут, запрретов на это нет. Но так бывает оччень рредко. Не ссправляются... Не могут дерржать ссвои эмоции в узде, сслишшком агрессивны. Зато они отличные солдаты.

В таком духе мы беседовали часами, причем главе ящеров это занятие не наскучивало никогда. Она регулярно сама вызывала меня в свой трюм, если, по ее мнению, я по каким-то причинам давно не приходил поговорить. Трудно сказать, что там происходило в ее вараньей голове, но у меня сложилось впечатление, что она не только хочет как можно больше узнать о людях до начала серьезных переговоров, но

и просто вполне дружелюбно ко мне настроена. Возможно, я ошибался. Человек ты, рептилия или кварг, но если ты забрался на такую высоту, любые симпатии или дружеские отношения вынужденно отходят на второй план, уступая место холодному расчету.

И все же... хоть и на втором плане, но личное отношение к собеседнику свою роль играет. Задавая свои вопросы, я пусть и не с абсолютной уверенностью, но рассчитывал на хорошее отношение главы ящеров.

– Лит-та, скажи, а что вы делаете с пленными кваргами?

– Пленными? – Она немного изменила наклон головы и прищурилась. – Мы не беррем ихх в плен. Да они и не пытались никогда нам ссдаваться.

– Разве вы никогда не захватывали их планеты?

– Нет. Они нашии – да. Мы ихх – нет. Они нам не нужны.

– Но неужели к вам никогда не попадали раненые кварги? Ведь вы ведете с ними наземные сражения и наверняка регулярно их выигрываете. Значит, к вам должны попадать раненые враги.

– Нашии оружие не оставляет рраненыхх. Вссе умирают, и оччень бысстрро. Но ты пррав, Игоррь. Мы пытались заххватывать жживыхх врагов. Не получчается. Они умирают почти сразу. Сррабатывает блок в мозге. Они знают, что мы можжем выпоттррошшить ихх мозги и вынуть оттуда все, ччто они знают. Поэтому сразу умирают.

– А мысли людей вы тоже можете читать? – Информация Лит-ты меня весьма напрягла.

– Мы не ччитаем мысли, Игорьрь. Мы умеем вынимать инфформацию из мозга. Но это долгий прроцесс, трребующий специальной подготовки и убивающий в итоге допрашиваемого. Но кваррги знают, ччто мы это умеем, и умиряют.

– Что это за блок в мозге у кваргов, Лит-та?

– Биологический огрраниччитель. Мы тоже умеем такие ставить. Умеем и сснимать, если, конечно, не успевает ссработать команда на безусловную ссмерть.

– Лит-та, кваррги сдаются нам в плен. Редко, но сдаютс-ся. Ведут себя они вполне разумно, бежать не пытаются, на охрану не нападают, могут даже отвечать на простые вопросы, не касающиеся войны или их дома, могут работать, следить за порядком среди своих, но на любые вопросы о войне, их социальном устройстве, экономике, промышленности, да вообще на любые вопросы, кроме самых простых, не отвечают никогда. Мы пробовали и силу, и химию, и психологическую ломку... Все это действует, но как только кварг решается заговорить, он умирает. Теперь мне ясно, почему. Но сейчас на сцене появились вы и ваши умения. Скажи мне, Лит-та, ты можешь успеть снять блок кваргу до того, как сработает смерть-приказ, если он не будет знать, что ты – это ты и что ему что-то угрожает?

– Сложжно... Он должен быть в ссознании. Процедур-

ра требует подготовки. Он увидит, почувствует... и умрет.

– А если он до последнего будет уверен, что все нормально, что вокруг только люди, которые не умеют снимать блок и даже не знают о его существовании? Ведь кварги, захваченные нами в плен, еще не знают, что мы с вами встретились.

– Нужно думать, контрр-адмиралсс, – снова качнула головой Лит-та. – Сейчас мне важны переговоры, на которые ты меня везешь. Я не могу отвлекаться слишком сильно. Но ты задал интересный вопрос. Я свяжусь с тобой после... жди.

* * *

Мы с Ингой вернулись на Землю как раз к тому моменту, когда переговоры с ящерами подходили к концу. Для первой встречи наши дипломаты достигли впечатляющих успехов, что, в общем, не удивляло, поскольку плюсов от нашей встречи с ящерами для обеих сторон явно просматривалось неизмеримо больше, чем минусов. Тобольский остался настолько доволен результатами работы дипломатов, что решил-таки лично встретиться с Лит-той, чего изначально не планировал, – все же уровень переговоров не тот, президенту Федерации следует встречаться с первым лицом государства союзников, – но уж больно случай оказался неординар-

НЫМ.

Конечно, названа эта встреча была не переговорами, а приемом, что несколько смягчало ситуацию с неравенством статусов сторон, но суть от этого не менялась. Делегацию ящеров перевезли вместе с их кораблем в Солнечную систему и пригласили в президентский дворец. Официальная часть встречи транслировалась по Сети и, как водится, не обошлось без торжественных речей. Тобольский в своем выступлении ничего для меня нового не сказал, так, спел мужеству ящеров хвалебную песню и разлился соловьем про «плодотворное сотрудничество», «широкие перспективы», «совместные усилия» и прочее «плечом к плечу». А вот Литта оказалась той еще штучкой. Она, естественно, тоже спела долженствующую моменту песенку, но потом уже без всякого официоза продолжила:

– Нашш народ помнит ссвою истторию. И эта исттория не ссодержит войн. Мы всегда ррешшали нашши рразногласия мирром, путем перреговоров и взаимныхх уступок. Воевать насс науччили кваррги, на перреговорры совершенно неспособные. У меня было досстаточно времени, пока я была госстьей на боррту коррабля контрр-адмиррала Лавррова, и сс его помощью я ссмогла ознакомиться сс исторрией людей. Вы много воевали дрруг сс дрругом, но потом все-таки нашшли в ссебе ссилы пррекрратить вооруженные конффликты и объединиться. Вспомнить пррошшлое васс заставили те же кваррги. У

меня нет сомнений, что результатом этой войны станет наша общая победа. Я увидела достаточно для того, чтобы понять это со всей определенностью. Но после победы наступит новое время, когда нашим народам придется совместно существовать среди звезд. Это будет испытанием нашей дружбы, поскольку разногласия между нами наверняка возникнут, это неизбежно. Но я убеждена, что изначальное миролюбие нашего народа и правильная оценка исторического опыта вами позволит нам сохранить мир навсегда.

Очень правильная речь, на мой взгляд. В переводе на нормальный язык она должна была звучать примерно так: «Дорогие союзники, мы рады встрече с вами и готовы приложить все силы, чтобы совместно навалить злым врагам, но учтите, что мы умеем смотреть вперед, и не думайте, что после победы вы сможете диктовать нам свои условия, опираясь на силу».

Заканчивая свою речь на такой ноте Лит-та все же не захотела и неожиданно для меня продолжила:

– Наша встреча произошла в бою. Так вышло, что тридцать пять человек погибли от нашего оружия. Мы не сразу разобрались, кто друг, а кто враг. Но ваши солдаты не сделали в ответ ни единого выстрела... Мы благодарны людям за поддержку и терпение. Мы сожалеем о гибели достойных... – Литта сделала небольшую паузу и качнулась все телом, изменив положение

хвоста, на который она опиралась, как на еще одну ногу. — Я хочу выразить признательность командиру этих людей, благодаря мастерству которого наша встреча из первой не превратилась в последнюю. Наш народ всегда будет рад видеть среди нас контр-адмирала Лаврова.

Это была ритуальная фраза. Я это знал из наших предыдущих разговоров с Лит-той, но ее точный смысл не был для меня вполне ясен, а глава ящеров явно придавала своему заявлению большое значение.

Я подозревал, что в будущем эта история имеет все шансы получить самое неожиданное развитие.

* * *

Вызов Лит-ты застал меня в рабочем кабинете. После нашего с Ингой возвращения с Барнарда-3 департамент министерства обороны по новой технике и вооружениям стоял на ушах уже третий день. Ну, еще бы, начальника не было на рабочем месте полтора месяца...

— Игорь, доброе время! — произнесла с экрана планшета Лит-та, продемонстрировав мне свой раздвоенный язык, что в некоторых случаях означало у ящеров улыбку, но в тонкостях их мимики я пока еще так и не разобрался.

— Доброе, Лит-та, — ответил я, жестом давая понять сотрудникам, что совещание временно откладывается. — Ты

довольна результатами переговоров?

— Я получила то, ради чего сюда летела, — ответила гла-
ва ящеров, не вдаваясь в подробности. — Дальше поработать
с людьми будут другие. Я не дипломат, я генерал-губернатор,
и мне нужно возвращаться в свою звездную систему и вос-
станавливать разрушенное. Но я помню наш разговор о
пленных, контр-адмирал. У меня было время подумать. То,
о чем ты спрашивал, может получиться. Это важно, и я
готова потратить время на работу с кваргами, но не
больше двух ваших недель.

Мне опять пришлось все бросать и заниматься новым
делом, но дело того стоило. Вопрос, что делать с пленными
кваргами, встал почти сразу после начала войны. Как только
интерес к ним угас у спецслужб в силу их полной бесполез-
ности как источника информации, проблему размещения и
содержания пленных переложили на службу тыла, возглав-
ляемую весьма деятельным генералом Баррингтоном. Тогда
еще не был известен неприятный факт, что кварги больше
десяти лет в плену не живут и, независимо от условий со-
держания, умирают от лавинообразно нарастающего отка-
за всех систем организма, вызванного совершенно неясны-
ми причинами. Поэтому перед Баррингтоном встал вопрос,
что делать с уже довольно многочисленным и постоянно рас-
тущим контингентом нахлебников, которые потребляют ре-
сурсы воюющего государства и будут их потреблять дальше
совершенно неопределенное время.

В плену кварги вели себя на удивление прилично. Поэтому Баррингтон решил вопрос весьма радикально.

В системе двойной звезды Крюгер-60 нашлась подходящая планетка, скачущая по замысловатой орбите вокруг двух красных карликов, один из которых еще и вспыхивает каждые восемь минут, вдвое увеличивая свою светимость. Ценность этого небесного тела была весьма сомнительной, и от статуса «никчемный булыжник» его спасало только довольно крупное, но весьма рассеянное месторождение америгия, металла редкого, умеренно радиоактивного и весьма востребованного экономикой Федерации.

Колонизация планеты с целью его добычи промышленными методами была признана экономически нецелесообразной, и про планету забыли, даже не удосужившись ее как-то назвать. Но тут пришел генерал Баррингтон, и речь пошла о применении рабочей силы не просто бесплатной, а вообще имеющей отрицательную стоимость, то есть получающей от минобороны дотации на свое содержание и охрану.

При таком раскладе экономические показатели неожиданно стали вполне положительными, и в Земной Федерации появилась первая колония кваргов.

Баррингтон не стал создавать пленным врагам невыносимые условия существования. Стандартное искусственное солнце согрело планету своими ласковыми термоядерными лучами, гравикорректор привел в норму силу тяготения, атмосферные генераторы укутали каменный шар воздушной

шубой, а дальше... Дальше Баррингтон передал все в руки самих кваргов. На планету было завезено продовольствие на первое время, горнодобывающее оборудование для разработки рассеянных месторождений, модульные конструкции для строительства жилья и общественных зданий, а также минимально необходимый набор промышленных блоков для создания первичной инфраструктуры города. Правило жизни новым жителям колонии было озвучено очень простое: вы нам америций, а мы вам все, что попросите, ну, кроме... сами понимаете.

Идея оказалась очень продуктивной. Помимо прочего, она позволила вести наблюдение за кваргами в, так сказать, естественных условиях существования. Охрана не лезла на планету – зачем? Людей можно было встретить только в нескольких приемочных пунктах, где кварги могли обменять на америций необходимые им товары. В остальном пленные справлялись сами. Они быстро создали некое подобие колонии-поселения со своей администрацией и даже полицией, поскольку преступность среди них оказалась столь же обычным явлением, как и среди людей.

Спустя три года стало ясно, что модель себя оправдала. Полиции кваргов даже разрешили закупать ручное оружие и заказывать для себя легкие бронекастюмы. На этот шаг пошли после того, как с орбиты были зафиксированы несколько крупных столкновений преступных элементов с силами охраны порядка, вылившихся в массовые драки, в которых

полиция не имела перед криминалом никакого преимущества. Баррингтон решил, что проще вооружить легким оружием самих кваргов, чем брать на себя поддержание порядка в колонии, и оказался совершенно прав. Во всяком случае, крупные беспорядки больше не повторялись.

И вот теперь мы с Лит-той прибыли в эту колонию-поселение. К Крюгеру-60 нас доставил крейсер «Москва», любезно выделенный мне адмиралом Нельсоном из состава Пятого ударного флота. Глава ящеров притащила с собой пятерых сородичей, отвечавших, как я понял, за научно-инженерную часть операции.

– Игорьрь, – обратилась ко мне Лит-та, – оччень жжелательно, ччтобы кваррг, которрого ты мне прриведешшь, пррожил здесь уже около десяти вашших лет. Если он умррет, это не так ужж важно, блок в мозгу все рравно скороо убьет его сам.

– Почему так происходит?

– Мы не знаем. Возможно, блок нужно перриодически обновлять, иначе он убивает носителя. Но зачем так ссделано, нам неизвестно.

– Лит-та, сколько времени нужно твоим помощникам, чтобы вырастить кокон для снятия блока?

– Около тррехх ччассов.

– За это время я отберу десять кандидатов. Мы доставим их на крейсер всех вместе и вежливо объясним, что хотим провести полную медицинскую диагностику их организмов,

чтобы попытаться выяснить причины их смертей в плену. Такие процедуры со многими из них проводились уже не раз. Они обычно молча соглашались и терпят обследования. В этот раз мы будем укладывать их в капсулу полной диагностики, разработанную специально под их организмы. Первые пять пленных пройдут обычную процедуру на глазах друг у друга. Они будут видеть, как очередной пациент ложится в капсулу, как она закрывается и через некоторое время выпускает его обратно живым и здоровым. Вот только капсулы будут все время разные, а в пятой по счету вместо нашей начинки будет находиться ваш кокон. Твои люди... прости, а как вас называть, чтобы вам было комфортно?

– Можешь говорить «твои ящеры». Хоррошшо звучит, мы ценим, – ответила Лит-та, показав мне раздвоенный язык.

– Отлично. Так вот, твои ящеры смогут подготовить его так, чтобы он был максимально похож на внутреннее устройство наших капсул?

– Это сложно. Но нужно попробовать. Иначе не выйдет ничего.

– Главное, чтобы внешнее сходство имелось. После закрытия внешней оболочки в капсуле погаснет свет, и дальше делайте что хотите, но без резких движений.

– Нам нужен доступ к затылочной части их черепа и к позвоночнику. Туда присоединятся несколько... – Лит-та задумалась, подыскивая слово. – Зондов, на-

верное. Мягкихх такихх отрросстков.

– Очень хорошо. У нас в капсулах тоже много всякого прикасается к голове и спине во время обследования. Мы просто сделаем специальные отверстия для ваших зондов, а остальное внутри капсулы оставим в своем распоряжении. Разницы вообще видно не будет.

– Я присступаю, – совершенно человеческим движением кивнула Лит-та и развернулась к своим помощникам.

* * *

Первые пять кваргов прошли стандартную процедуру обследования как обычно бесстрастно. Они привыкли выполнять любые распоряжения людей, зная, что намеренно вреда им наносить никто не будет, но если сопротивляться, возможны осложнения.

Шестой пленный, как и все они, очень похожий на вставшего из могилы зомби, разве что слишком опрятный и нормальнодвигающийся в отличие от этого популярного героя ужасиков, спокойно подошел к указанной ему капсуле и шагнул в нишу, открывшуюся за раздвинувшимися створками, развернувшись в ней лицом к выходу. Створки закрылись, и капсула неспешно приняла горизонтальное положение. Минут пять ничего необычного не происходило, а потом капсула содрогнулась от толчка изнутри, а приборы медицинской диагностики, которые мы не стали демонтировать,

вать для пущей достоверности, подали тревожный сигнал.

Мы экстренно остановили процесс «обследования», но было уже поздно, пленный умер.

– Классическая смерть при срабатывании блока, – услышал я за спиной голос Лит-ты. – Ччто-то мы не учли, Игоррь. Надо попробовать еще.

Наши попытки стоили жизни еще трем кваргам. Каждый раз мы меняли условия. Сделали даже полный аналог зондов кокона ящеров из наших земных полимерных материалов и прогнали очередного пленного через обследование сначала на таком муляже. Ничего, выжил, но при попытке повторить процедуру с реальным коконом, умер, как и все предыдущие. Единственным условием, которое мы сознательно не меняли, оставался стаж кваргов в плену. Ставить эксперименты над пленными, у которых впереди еще несколько лет полноценной жизни, ни мне, ни Лит-те не хотелось. Они, конечно, враги, но в данный момент уже не опасные и вполне законопослушные, так что пусть лучше рискуют те, кто все равно вот-вот умрет, вдруг да сработает наша методика, и они получат шанс на нормальную жизнь еще на многие годы.

– Мы где-то ошибаемся совсем чуть-чуть, – говорила мне Лит-та, совершая нервные движения хвостом, от которого офицеры крейсера старались держаться подальше. Оттоптать хвост высокопоставленной союзнице – это, знаете ли, чревато дипломатическими осложнениями.

– В последнем случае мы были ближе всего к цели.

Блок уже почти ррасспался, но именно в этот момент ссработал ссмерть-прриказ.

– Они что-то чувствуют, когда блок начинает распадаться?

– Мы не знаем. В любом сслучае, это оччень тонкое ощущение, поччти незаметное.

– Мы можем его чем-то заглушить? Например, болью?

– Только не оччень ссильной. Мне нужно ясное ссознание пациента.

– Не сильной, но пульсирующей в рваном ритме, отвлекающей.

– Ххоррошшо. Давай пррробовать.

На этот раз наша легенда для кваргов изменилась. Мы не стали говорить об обследовании для поиска метода предотвращения их внезапных смертей в плену, это могло насторожить пациентов и заставить их подсознательно прислушиваться к опасным для жизни ощущениям. Мы сказали очередной партии испытуемых, что отбираем кандидатов для переселения в другую колонию-поселение, где уровень жизни выше, но и требования к здоровью жестче, поскольку работа требует напряжения и определенных физических данных. Особого энтузиазма эта информация у пленных не вызвала, они прекрасно знали, что жить им осталось в лучшем случае несколько месяцев и что-то в жизни менять уже нет никакого смысла, но на обследование по привычке согласились без возражений, даже когда мы их честно предупреди-

ли, что возможны болевые ощущения.

Шестой по счету пленный вошел в капсулу, как и во всех предыдущих испытаниях. Первый тест мы провели с зондами-муляжами, чтобы кварг привык к ощущениям и не дергался. Потом сеанс повторили уже с настоящими зондами, выпущенными коконом ящеров. На пятой минуте медицинский комплекс взвыл сигналом тревоги, но не так, как это происходило в случае смерти пациента. Кваргу было плохо, очень плохо и больно, но он не умер, и автоматически включившийся реанимационный модуль звал на помощь людей, поскольку сам не мог решить, что делать в незнакомой ситуации.

Пленный выжил.

– Блок снят, – сообщила мне Лит-та, – но память повреждена. Неизвестно, что он сможет вспомнить, но то, что сохранилось, мы теперь без проблем из него вытащим, даже не убивая. Надо продолжать с другими пленными, контр-адмирал, время не ждет.

Время. Оно действительно не любит ждать. Но наши успехи пока нельзя было назвать впечатляющими. Снять блок удавалось лишь у каждого третьего кварга, остальные умирали сразу или впадали в кому и умирали через несколько часов. Конечно, это все равно оказалось прорывом. Безопасники министерства обороны, выслушав мой доклад, впали в экстаз и помчались к нам в систему Крюгер-60 чуть ли не впереди собственного радостного визга. Работы им прива-

лило непочатый край, причем работы весьма перспективной с точки зрения конкретных результатов, благоприятно сказывающихся на карьерном росте.

Мы же боролись за выживаемость пациентов. Никогда бы не подумал, что смерти кваргов могут меня огорчать, однако так и было. Выжившие пленные со снятым блоком пока еще не осознали произошедших с ними изменений. Во всяком случае, наши вопросы на закрытые ранее темы они по-прежнему игнорировали, но, я думаю, чисто по привычке. Мы пока за них всерьез не брались, ждали профессионалов из Солнечной системы.

Кто-то из медперсонала крейсера предложил нам попробовать вводить в кровь кваргам перед процедурой различные лекарственные препараты, не затуманивающие сознание, но подавляющие отдельные реакции организма на внешние раздражители. Идея показалась нам интересной, и мы начали с анксиолитиков, веществ, снимающих тревогу и страх. Дело сразу пошло лучше. Весь комплекс мер, включающих химию в крови, доработанную легенду и демонстративные успешные «обследования» нескольких других кваргов и самого пациента перед началом настоящей процедуры, повысил выживаемость при снятии блока до шестидесяти процентов. Но настоящий прорыв дало применение нескольких специально заточенных под организм кваргов нейролептиков.

Изначально эти вещества предназначались для купирова-

ния психозов и расстройств поведения, выражающихся в повышенной агрессивности и различных маниях, но мы применяли их прежде всего для отсрочки получения пациентом смерть-приказа от мозгового блока хотя бы на несколько секунд. Как оказалось, этой задержки хватало, чтобы такой приказ просто не успевал сгенерироваться до распада блока.

Выживаемость выросла почти до ста процентов, а повреждения памяти сильно сократились, но полностью избежать их все равно не удавалось, и, как с сожалением признала Лит-та, скорее всего не удастся и в дальнейшем.

– Все, Игоррь, я сделала то, что обещала, – сказала Лит-та после очередного успешного снятия блока пленному. – Мои подчиненные останутся здесь с вами и будут работать, сколько потребуется, а мне нужно лететь.

– Тебе не интересно, что расскажут пленные со снятыми блоками?

– Интересно. Еще как интересно, – мне снова показали язык, – но мои ящщеры мне доложат. Время, контрр-адмиралс, время.

– Обратный путь займет у тебя вдвое меньше времени, чем путь сюда. Мы повесили между конечными точками цепь гипермаяков, а наши последние технологии позволяют с их помощью совершать более длинные прыжки. Понадобится меньше разгонов и пауз.

– Прекрасно. Я жду тебя с визитом к себе, Игоррь. Мне есть, что тебе показать в моей системе. Не забывай,

ты теперрь жжеланный госсть для любого ящщера. Нашша сстаршшая подтверрдила твой сстатусс.

– Всенепременно, Лит-та, при первой же возможности. У меня последний вопрос. Ты произнесла весьма впечатляющую речь на встрече с президентом Федерации. Мне понравился твой подход к нашим отношениям после победы. Я тоже хочу прочного мира, причем последнее время еще и по личным причинам, – улыбнулся я. – Лит-та уже вполне понимала, зачем я корчу гримасы и показываю ей зубы. – И я хочу предложить тебе одну идею, которая, на мой взгляд, будет этому способствовать.

– Сслушшаю сс большим интерессом, – Лит-та наклонила голову набок, что означало повышенное внимание к словам собеседника.

– Наши пути развития слишком разные. Технологии очень отличаются, до такой степени отличаются, что перенять их друг у друга нам будет крайне сложно. Но это даже хорошо, это заставит нас действовать вместе и друг от друга зависеть. Чем не объединяющий фактор?

– Рразумно. Ччто дальшше?

– А дальше я хочу предложить тебе создать флот кораблей на основе смеси наших технологий. Поначалу это, конечно, будут грубоватые поделки, но нам нужно научиться сращивать наши технологии и заставлять их работать вместе. И, что весьма важно, корабли должны иметь смешанные экипажи. Люди будут отвечать за свою часть оборудования, а яще-

ры за свою.

– Можно рассмотреть, – кивнула Лит-та, – я передам старшей...

– Наверное, я не очень точно объяснил, – остановил я главу ящеров, – это не абстрактная идея на будущее. Я хочу начать прямо сейчас. Мне нужен идеальный корабль-разведчик. На меня произвели большое впечатление ваши двигатели. По мощности они не дотягивают до наших разработок, но при работе они не снижают маскировку корабля, а для разведчика это более чем важно. Я хочу подготовить корабль с гибридной двигательной установкой, проще говоря, с двумя двигателями, вашим и нашим. Для чего, ты думаешь, я попросил тебя поработать с пленными кваргами? Мне нужна была информация. Я хочу знать, где враги держат пленных людей и ящеров и что они с ними делают. Так или иначе, эту информацию я из них вытрясу, и тогда мне будет нужен корабль, на котором я смогу незамеченным добраться до нужных точек в тылу кваргов и все там как следует разнюхать. Лит-та, я не знаю, как вы, а мы, люди, потеряли за двадцать лет войны почти десять миллиардов человек пленными, если считать не только солдат, но и мирное население захваченных планет. Если хотя бы часть из них живы, я хочу вытащить их оттуда.

– Ты хочешь вывезти из тыла кваргов миллиарды людей и примерно столько же ящеров?! Но это же невозможно...

– Я знаю одного генерала... я вас как-нибудь познакомлю. Так вот, он может практически все, что касается грузовых и пассажирских перевозок, а также снабжения войск всем необходимым. Ты можешь не верить, но в этой сфере я не знаю задач, которые этот человек не смог бы решить в разумные сроки.

– Пожалуй, я задержусь здесь еще на пару дней, – произнесла Лит-та после небольшой паузы, – вашим людям будет не лишней моя помощь в извлечении из пленных врагов нужной нам информации. И... мой корабль. Я оставляю его тебе, контр-адмирал, вместе с экипажем и моими специалистами, которые ремонтировали ваш крейсер. Я уверена, ты сможешь обеспечить мне комфортные условия и на борту вашего корабля, когда я полечу домой.

* * *

Референт как всегда неслышно вошел в рабочий кабинет президента.

– Игнат, когда будет готов полный отчет по английскому делу? – спросил Тобольский.

– Работа еще идет, господин президент, – негромко ответил референт, – слишком много материалов попало в руки наших оперативников.

– Сообщи им, что я недоволен скоростью работы.

– Не хватает людей с нужным допуском, господин президент, – прошелестел голос референта, – информации много, и заранее никогда не ясно, какой у нее уровень секретности.

– Что-то важное уже найдено?

– Ничего требующего немедленного реагирования пока нет. Но... есть информация по контр-адмиралу Лаврову. Очень неоднозначная информация.

– А конкретнее?

– Это отчет о нелегальном расследовании, охватившем практически всю его жизнь. Большая часть данных получена незаконными средствами, но надо признать, работа выполнена качественно, причем как оперативная, так и аналитическая.

– Там выплыло что-то, чего мы не знали раньше?

– И да, и нет, господин президент. Основные факты были нам известны, но в этом отчете присутствуют детали, которые ставят трудноразрешимые вопросы. Кроме того, в этих материалах есть результаты анализа поведения Лаврова, выполненного весьма квалифицированными психоаналитиками. Их выводы звучат фантастично, но они сделаны не на пустом месте.

– И что же они пишут?

– Вам лучше ознакомиться с этим документом лично, господин президент, – произнес референт, пересылая Тобольскому файл, – я не специалист в этом вопросе и не хотел бы своим пересказом исказить суть попавшей нам в руки ин-

формации.

Минут десять Тобольский внимательно изучал файл, потом поднял глаза на референта.

– Информацию засекретить по уровню А-ноль. Лаврова не трогать, я сам решу, что с этим делать.

– Господин президент, вы не считаете опасным оставлять в руках контр-адмирала Лаврова такие полномочия, какими он обладает сейчас? – Референту позволялись подобные вопросы, мало того, Тобольский ценил Игната за умение задавать их именно в нужный момент.

– Не считаю, Игнат. Даже если Лавров не тот, кем мы его до сих пор считали, он не враг. Этот человек уже столько сделал для Федерации, что глупо подозревать его в вынашивании каких-то враждебных планов. Если бы не его действия, я даже не знаю, какова бы сейчас была обстановка на фронтах.

– Такой анализ проводился, господин президент. Именно поэтому я не стал вам докладывать об этом расследовании немедленно, а собирался передать его в рамках итогового отчета.

– И что тебя остановило?

– Анализ показал, что если бы Лаврова не существовало, Солнечная система была бы захвачена кваргами уже восемь месяцев назад.

Я проводил Лит-ту до специально оборудованной для нее каюты на борту линкора Банги. Почетную гостью собирались доставить домой с максимальным комфортом и в самые сжатые сроки, причем в качестве эскорта выделили еще пару линкоров, авианосец, десяток эсминцев и трех «Невидимок». Потерять из-за какой-нибудь шальной эскадры кваргов такого ценного союзника в Федерации никто не хотел.

– Адмирал, – уже в дверях произнесла Лит-та, демонстрируя мне свой раздвоенный язык и как бы случайно повышая меня в звании на пару ступеней, – нашей сстаршшей понрравилась идея флота гибрридных кораблей ссо смешшанными экипажжами. Ссвязжиссь ссо мной черррез вашши маяки, я отпрправлю к тебе нужжных специалисстов и все необходимое для вырращщивания нашших кораблей.

Лит-та улетела домой, а я отправился обратно на Землю, где меня уже ждали Джефф и профессор Штейн, которым не терпелось поковыряться в технике ящеров. Задачу создания гибридного корабля-разведчика я поставил им еще с Крюгера-60, как только услышал от безопасников, что нужная мне информация, пусть и по крупницам, но начинает собираться в их базе данных.

В головах пленных кваргов, которым удалось снять блок, творился полный бардак. Умелец, вывихнувший им мозги,

свое дело знал. Самая важная для нас информация разрушалась в памяти кваргов в первую очередь. Они не впадали в маразм и не становились овощами. Функции мозга, отвечающие за повседневную деятельность, не нарушались. Краткосрочная память тоже чувствовала себя отлично, а вот в долгосрочной будто торнадо пронесся, причем не просто снося все подряд, а выборочно разрушая самое нужное. Но кое-что все-таки оставалось, не всегда процесс самоликвидации информации успевал запуститься вовремя и дойти до конца. Похоже, информация о пленных людях и ящерах считалась разработчиком блока достаточно важной, да и далеко не все пленные кварги вообще ею обладали. Но когда количество успешно снятых блоков перевалило за тысячу, а безопасники уже с трудом могли шевелиться от усталости, допрашивая все новых и новых пленных, что-то стало вырисовываться.

– Господин контр-адмирал! – обратился ко мне по гиперсвязи майор Карьялайнен, тот самый следователь службы собственной безопасности министерства обороны, который вел дело о подставе, устроенной нам лоббистами «Глобал Випон Индастриз» во время операции на Глизе-338. Тогда он, правда, был старшим лейтенантом, но, видимо, то расследование неплохо помогло его карьере. – Мне приказано передать вам информационный пакет по вероятным местам содержания пленных людей и ящеров в тылу кваргов.

Мой планшет издал сигнал, сообщая о приеме файла.

– От себя, – продолжил Карьялайнен, – как непосред-

ственный участник допросов пленных, могу добавить, что информация неполная и довольно противоречивая. Создается впечатление, что это места временного содержания, но они функционируют уже многие годы. Что там происходит, никто из пленных не знает или не помнит из-за разрушения памяти.

– Спасибо, майор, вы мне очень помогли, – поблагодарил я безопасника. – Расскажите, как ведут себя кварги после снятия блока?

– Очень по-разному, господин контр-адмирал. Некоторые все равно молчат, и тогда приходится применять химию. Другие говорят сами, иногда даже не ожидая вопросов. Было четыре случая, когда кварги добровольно предлагали нам помощь и выражали готовность сотрудничать, если это поможет снять блоки другим пленным.

– Кто поставил им эти блоки?

– Их власть. Это делается в специальных центрах, которых по всей территории кваргов раскидано довольно много. Блок нужно обновлять каждые десять лет, иначе он убивает носителя. Они рассказали, зачем так сделано. Если кварг отклоняется от правильной линии поведения, ему и его семье блоки не обновляют. Сдача в плен тоже считается отклонением со всеми вытекающими последствиями, если, конечно, об этом становится известно. Поэтому кварги сдаются только тогда, когда понимают, что информация не дойдет до их начальников.

– Блоки ставят только рядовым кваргам?

– Нет. Они есть у всех пленных, а среди них немало офицеров. Правда, все они не выше среднего ранга, соответствующего примерно нашему майору.

– Спасибо, майор, с нетерпением буду ждать завершения вашей работы.

– Господин контр-адмирал, если мы узнаем что-то действительно важное, я свяжусь с вами немедленно. Приказ держать вас в курсе исходит непосредственно от начальника нашей службы.

* * *

Пока мы летели к Земле, у меня появилось время обдумать сложившуюся ситуацию. Мысли явно требовалось собрать в кучку и разложить по полочкам, уж больно много всего произошло в последнее время. Несмотря на вроде бы благополучную общую картину, спокойным я себя не чувствовал. Слишком много в этом уравнении под названием «война с кваргами» накопилось неизвестных.

Я попытался проанализировать, что же в наибольшей степени не дает мне покоя. Прежде всего, мне не нравилось затишье на фронтах. Не имелось для него никаких объективных предпосылок. Конечно, наша встреча с ящерами и срыв захвата кваргами очередной звездной системы рептилий не могли стать для противника приятной новостью, но ничего

катастрофического, по крайней мере, в краткосрочной перспективе эти события для кваргов не несли.

Наши разведчики всюду шныряли по окраинам тыловых систем врага, не слишком опасаясь масс-детекторов, которые противник в последние месяцы активно использовал для защиты своих владений от внезапных атак наших кораблей. Разведчики могли чувствовать себя в относительной безопасности, поскольку сеть масс-детекторов могла засекать только корабли крупнее эсминца. Вот только ничего экстраординарного разведка не видела. В центральные части звездных систем разведчики, правда, соваться не рисковали, слишком плотно там все патрулировалось, и даже выпущенные с большого расстояния беспилотные разведзонды, как правило, перехватывались еще до того, как успевали собрать и передать нужную информацию.

У меня с каждым днем нарастала уверенность, что противник готовит что-то крупное и неожиданное, от чего нам всем может стать очень нехорошо.

Второй момент, который меня тревожил в не меньшей степени, был связан с нашей неудачей в системе Дельты Треугольника. Нельзя сказать, что задание мы провалили, но и запланированный результат достигнут не был. Кварги нашли действительно эффективное средство борьбы с дрон-торпедами.

Нет, торпеды оставались грозным оружием, но уже не могли дать нам решающего преимущества, слишком много их

гибло в результате применения противником сетей беспилотных сканеров и массового использования истребителей для прикрытия тяжелых кораблей от торпедного удара. Да и сами линкоры и крейсера врага стали другими. Плотность зенитного вооружения увеличилась втрое, что делало тяжелые корабли противника трудными целями для торпед.

Пора было выводить на сцену что-то новое, что могло бы компенсировать катастрофическое отставание флота Федерации от кваргов в количестве линкоров, особенно таких, как «Титан». Строить такие корабли мы пока так и не научились. В этом плане я возлагал некоторые надежды на сотрудничество с ящерами, но мы еще даже не начали, а флот отчаянно нуждался в пополнении тяжелыми кораблями уже сейчас. Уже вчера.

Быстро восполнить нехватку кораблей у промышленности Федерации возможности не было. Недавний указ Тобольского о повышении роли государства в управлении военно-промышленным комплексом стал лишь первым шагом к переводу экономики на военные рельсы, но путь в этом направлении предстояло пройти еще весьма длинный и тернистый, а результаты требовались немедленно.

Единственное, что можно было сделать относительно быстро, это нарастить выпуск сравнительно простых в производстве «Невидимок», дрон-торпед и беспилотных истребителей, надеясь решить возникшую проблему если и не качественно, то хотя бы количественно. Вот только где бы

еще взять нужное число грамотных командиров для этих кораблей, требующих в управлении гибкости мышления из-за слишком часто меняющейся обстановки, заставляющей постоянно перекраивать тактику использования дрон-торпед?

Вызов Штейна застал меня перед последним прыжком к Солнечной системе.

– Игорь, у меня хорошие новости, – сообщил профессор. – Опытный образец полноразмерного транспортного кольца почти готов. Еще пара дней, и можно начинать испытания. Пока, правда, нам не удалось обойти ограничение по дальности переброски, но зато с размерами и массой объекта переноса все стало куда лучше. Будем пробовать переместить малый разведчик... Что случилось, Игорь? Ты, похоже, не рад моему сообщению.

– Я рад, профессор, – выдавил я из себя улыбку, – вы просто молодцы, и я горжусь, что со мной работают такие люди. Просто... мы не успеваем. Что-то произойдет в ближайшее время. Вы помните мои слова, когда я рассказывал вам про десять суперлинкоров, почти достроенных кваргами? Я говорил тогда, что для нашего флота это верное поражение, и просто кожей чувствовал, как над нами нависает эта угроза. Сейчас я чувствую нечто похожее, но разница в том, что я не знаю, что именно нависло над нами. Мне срочно нужен корабль-разведчик, способный незамеченным проникать в центральные области вражеских звездных систем, но еще больше мы сейчас нуждаемся в транспортном кольце,

способном пропускать линкоры и большие войсковые транспорты. Мы уступаем кваргам в численности и качестве флота, особенно в тяжелых кораблях. Единственное, что мы реально можем им противопоставить, это невозможная ранее мобильность, которая позволит нам быть везде и нигде, концентрировать все наши силы в нужной точке для мощного удара и столь же быстро реагировать на возникающие угрозы, мгновенно перебрасывая корабли к атакованным системам. Но добиться этого мы сможем только с помощью транспортных колец.

Слово «гиперпортал» среди ученых и военных Федерации не прижилось. Никто уже толком не помнил, кто впервые назвал его транспортным кольцом, но термин прочно вошел в практику, и иначе нашу новую разработку уже никто не называл.

– Игорь, – после некоторых раздумий произнес Штейн, – в том, что ты говоришь, нет ничего невозможного. Мы готовы ускорить работы, но нужно существенно расширить штат, парк оборудования и, естественно, увеличить финансирование. Разведчиком мы уже занимаемся, но пока ты с кораблем ящеров не прибудешь в Солнечную систему, мы не можем начать интегрировать в его конструкцию технологии союзников.

– Иван Герхардович, будьте добры, подготовьте к моему прибытию список всего необходимого для ускорения работ, – заявил я. – Остальное – моя забота. Только не забудьте

вот еще что: примерно через месяц от союзников придет группа кораблей с их учеными, инженерами и военными, а также с большим запасом субстанции, из которой они выращивают все свои изделия. Мы собираемся строить корабли гибридной конструкции с использованием технологий обеих рас, уже не разведчики, а линкоры и авианосцы, и участие нашего департамента в этом процессе будет самым непосредственным.

– Главный инженер Джефф будет в полном восторге, – усмехнулся профессор, – если, конечно, останется жив после того, как сообщит эту приятную новость лейтенанту Яковлевой.

* * *

Министр обороны хмуро посмотрел на меня, оторвав взгляд от планшета.

– Контр-адмирал, это уже переходит всякие границы.

– Не буду возражать, господин министр, с моей стороны это недопустимая наглость и попрание всех основ субординации. Вот только... я боюсь, мы все равно уже опоздали.

– Ну, на субординацию вы поло... хм, перестали обращать внимание, еще будучи капитаном, а может, и раньше, я просто не в курсе, наверное. Но вы хоть сами-то понимаете, что сотворили в этот раз? Уполномоченные представители Федерации в течение десяти дней вели сложнейшие офици-

альные переговоры с союзниками, выстраивали систему учета интересов каждой из сторон, схему взаимных противовесов, придающих этой системе устойчивость, и готовили пакет предложений правительнице ящеров. Рептилии, со своей стороны, тоже всячески напрягались на эту тему и вежливо торговались. Вроде бы к взаимному удовлетворению сторон, начал намечаться консенсус... И тут пришел контр-адмирал Лавров, умыкнул из дипломатической резиденции главную ящерицу, взял ее под ручку, пардон, под лапку, утащил на Крюгер-60, хрен знает чем там с ней занимался, поставив службу безопасности в известность только постфактум, а потом походя договорился о создании флота гибридных боевых кораблей со смешанными экипажами. И все это без всякого согласования хоть с кем-нибудь. Вы в армии служите, контр-адмирал, или у нас здесь анархическая вольница?

– Я кругом виноват, господин министр, я это признаю. Готов нести любое наказание вплоть до разжалования в рядовые и отправки на Каптейн патрулировать пустыню. Но прошу вас внимательно прочесть мой рапорт, забыв на время о негодяе Лаврове.

– Да я бы вообще не стал этот бред читать, если бы под ним не стояла подпись этого самого... Лаврова! – тоном ниже пробухтел слегка отошедший от приступа гнева Бронштейн. – Нет, ну каков наглец! Пришел к министру обороны за деньгами на финансирование вот этого... – Бронштейн потряс передо мной своим планшетом, на экране которого

светилась страница моего рапорта. – Контр-адмирал, я все понимаю и ваши заслуги перед Федерацией помню, но почему было не согласовать это все – да даже не со мной, но хоть с президентом, благо прямой выход на Тобольского у вас есть?!

– Господин министр, вы поверите мне, если я скажу, что в сложившейся ситуации решение нужно было принимать мгновенно? Бывают моменты, которые нельзя упускать. Самый дефицитный ресурс в нашей ситуации – время. Если бы я стал выстраивать систему сдержек и противовесов, победил бы за одобрением к верховному главнокомандующему, начал бы готовить пакет документов...

– Достаточно, контр-адмирал, я вас услышал. Это вас несколько не оправдывает, не надейтесь, но логика в ваших словах присутствует. Подождите несколько минут, я еще не до конца ознакомился с вашим документом.

Я терпеливо ждал.

– Вы... – спустя пять минут выдавил из себя Бронштейн, поднимая на меня взгляд. – Я слова такого не знаю, как это называется, контр-адмирал! Вот что, хватит с меня этого цирка. Ваша затея с атакой на верфи в тылу кваргов была авантюрой. Контрудар на Грумбридж был Авантюрой с большой буквы. А это... наверное, здесь все буквы надо писать прописными.

– Прошу прощения, господин министр, но оба приведенных вами случая закончились если и не полным успехом, то

частичным уж точно. Вы можете представить себе, какими могут быть последствия, если все получится и в этот раз?

Бронштейн молча смотрел на меня. В его глазах отражалась борьба множества противоречивых чувств, и ни одно из них не могло взять вверх. Наконец, все так же молча, министр нажал на пиктограмму в углу экрана своего планшета и приложил палец к датчику ДНК-кода. Планшет тихо тренькнул, извещая своего владельца об открытии защищенного канала связи.

– Добрый день, господин министр, – услышал я голос Тобольского. – Надеюсь, вы не с плохими новостями?

– Даже и не знаю, господин президент, – неопределенно ответил Бронштейн. – Мне поступил рапорт от контр-адмирала Лаврова. Сам он тоже здесь, сидит напротив меня в моем кабинете. Я бы хотел попросить вас о встрече, вопрос сложный и не терпит отлагательства.

– И сами вы решить его по каким-то причинам не можете, – устало усмехнулся Тобольский.

– Боюсь, это уже не мой уровень, господин верховный главнокомандующий, – твердо ответил Бронштейн.

* * *

Подполковник Андре Мбиа со своими людьми так и не вернулся в сто пятую пехотную дивизию. Теперь он служил в моем департаменте, отвечая за испытания всей наземной

боевой техники, имеющей отношение к разведке. Аналогичная судьба постигла и капитана первого ранга Юна Гао, но на нем лежала ответственность за разведку космическую. Сейчас оба разведчика стояли рядом со мной в командном посту крейсера «Москва» и пытались рассмотреть хоть что-то на тактической проекции.

Наши сканеры молчали, хотя по моим представлениям уже несколько минут как должны были засечь движущийся встречным курсом корабль-разведчик. Но не происходило ровным счетом ничего. Лишь спустя еще пару минут оператор контроля пространства неуверенно сообщил о слабом сигнале, слегка выделяющемся на фоне естественных шумов.

Разведчика мы уверенно засекли только тогда, когда он подошел к нам так близко, что, казалось, его можно уже рассмотреть невооруженным глазом – а ведь крейсер «Москва» был оснащен лучшими сканерами из последней усовершенствованной серии, но все же именно серийными образцами. А над кораблем-разведчиком Джефф со своими ребятами работал индивидуально, вылизывая и подгоняя комплексы РЭБ до такой точности настройки, о которой ни одно серийное изделие не могло и мечтать.

– Принимайте корабль, капитан первого ранга, – обратился я к Юну Гао, – вам первому выпала честь стать командиром гибридного корабля-разведчика со смешанным экипажем. Сейчас, господа офицеры, я познакомлю вас с коман-

дой.

– Это... мой корабль? – обычно невозмутимый китаец выглядел потрясенным. Он долго молча стоял перед проекционным экраном, на котором сменялись виды с разных ракурсов на результат совместных трудов инженеров Джеффа и ящеров Лит-ты.

Две трети небольшого корабля имели вполне привычные очертания среднего разведчика, но если в носовой части отличия от стандартного образца были едва заметны, то ближе к корме изменения нарастали. Гладкая матовая броня сменялась бугристыми панцирными плитами, сложенными со сделанными людьми броневыми листами в единое целое. Почти вся корма, кроме маршевого двигателя вполне человеческой конструкции, была выращена рептилиями и раздражала привычный к гладким поверхностям глаз флотского офицера буграми и неровностями, характерными для кораблей ящеров.

– Госсподин контрр-адмиралсс, – услышал я голос за своей спиной и развернулся к вошедшему в командный пост ящеру, – инженерр Дирр-го прибыл для представления командирру корабля.

Я стоял чуть в стороне, смотрел на Юна Гао и с трудом сдерживал смех. Однажды я уже видел китайца в таком состоянии, это было при нашей первой встрече перед рейдом на астероид в системе Глизе-338.

Фитиль мне Тобольский вставил знатный. Нет, он не пытался разъяснять мне, кто в наших банановых зарослях главный бабуин и почему не следует без его, главного бабуина, разрешения ходить в соседнюю бамбуковую рощу к гориллам и выменивать бананы на дикий сельдерей. Маршал выслушал доклад Бронштейна, не перебивая и не задавая вопросов, молча прочел мой рапорт и негромко произнес:

– Контр-адмирал, вы зарвались. Ваши военные успехи вскружили вам голову, и вы потеряли ориентиры. Я понимаю, что ваши заслуги перед Федерацией дают вам моральное право вести себя несколько более свободно, чем это предусматривает ваше звание и должность, но всему есть границы. Своими действиями вы разрушили работу коллектива специалистов другого ведомства и спутали планы нашим дипломатам. Мало того, вы выставили нашу дипломатическую службу перед союзниками в невыгодном свете и показали им, что в нашей системе власти нет единства и порядка, чем нанесли ущерб репутации Федерации в самый ответственный момент первого официального контакта с новой расой. Вы осознаете последствия своего поступка?

– Я осознаю, что все это выглядит крайне нехорошо, господин президент. Я готов лично принести извинения каждому сотруднику дипломатической службы, чьей работе я по-

мешал своими действиями, и я это сделаю, не сомневайтесь. Но в сложившейся ситуации я не видел тогда и не вижу сейчас другого решения. У нас нет времени, совсем нет. Я уже говорил об этом господину министру, – кивнул я в сторону Бронштейна, – и готов повторить вам. У меня есть стойкое ощущение, что мы уже опоздали с теми мерами, которые я изложил в моем рапорте, и если бы я решил дисциплинированно ждать реализации планов дипломатического ведомства, мы опоздали бы навсегда.

– Где-то я это уже слышал... – с невеселой усмешкой произнес Тобольский. – В тот раз, с верфями кваргов, вы ведь тоже очень спешили, контр-адмирал, но тогда к вам не прислушались... Кстати, вы вернули себе ваши личные полтора миллиарда рублей, потраченные на производство дрон-торпед?

– Да как-то не до того было. На жизнь нам с мамой более чем хватает текущих авторских отчислений по патенту.

– Господин министр, проследите, пожалуйста, за этим вопросом, – обратился Тобольский к Бронштейну, а затем перевел взгляд на меня. – Семь с половиной триллионов рублей и тридцать процентов судостроительных мощностей Федерации. Вы понимаете, о чем просите, контр-адмирал? Сумма, которую вы назвали мне в прошлый раз на испытаниях вашего транспортного кольца, была втрое меньше.

– Но ведь и масштаб проекта теперь совсем другой, господин президент. Обстоятельства изменились, над нами навис-

ла страшная угроза, и одновременно появился редкий шанс, который нельзя упустить.

– Ну, про шанс я из вашего рапорта понял, а вот угроза... Как и в прошлый раз, она не вполне конкретна.

– В прошлый раз? Грумбридж-1618 сейчас в руках кваргов. Куда уж конкретнее, господин президент?

– Вы считаете, что если вы оказались правы тогда, это автоматически должно означать, что теперь любое ваше предчувствие будет достаточным основанием для перекраивания всей оборонной политики Федерации, контр-адмирал? – вступил в разговор Бронштейн.

– Я изложил свое мнение в рапорте, господин министр. Что я думаю о своих предчувствиях, не имеет никакого значения. Мой департамент проведет глубокую разведку центральных областей звездных систем кваргов, но на это потребуется время, а у нас его нет. Только вам, господа, решать, будем ли мы ждать и бездействовать или предпримем превентивные шаги.

– Контр-адмирал Лавров, – развернулся ко мне президент, – я еще раз ставлю вам на вид недопустимость ваших действий. Я надеюсь, вы сами урегулируете отношения с дипломатами, и уверен, что в дальнейшем подобных инцидентов вы не допустите, в противном случае мне придется сделать соответствующие организационные выводы. По поводу вашего рапорта решение будет принято в ближайшее время, и сообщит вам его ваш непосредственный начальник. А сей-

час можете быть свободны, контр-адмирал.

* * *

Когда за Лавровым закрылась дверь, президент перевел взгляд на министра обороны.

— И что вы обо всем этом думаете, господин Бронштейн?

— Я очень боюсь, что он прав, Иван Сергеевич. Наглый зеленый выскочка, но он мне где-то даже нравится. Я сам никогда таким не был, хотя, честно скажу, иногда очень хотелось.

— Вы мне зубы не заговаривайте, господин министр. Вы хоть сами-то понимаете, что если он прав, нам надо срочно перестраивать чуть не половину военно-промышленного комплекса на выпуск «Невидимок», истребителей и торпед, на эти, еще не доведенные даже до испытаний, сегменты транспортных колец...

— Я уже говорил Лаврову, что считаю эту затею чистой воды авантюрой. Но мне трудно что-либо возразить, когда он тычет мне в нос результатами своих предыдущих, не менее авантюрных действий. И в этом он прав, как ни удивительно. Но все его предыдущие операции были несравнимы по масштабу с тем, что он хочет сделать сейчас. Даже завершись они полным провалом, катастрофы не случилось бы, а сейчас... Если он ошибается или у него что-то пойдет не так, мы получим вместо сбалансированного флота непонятную

толпу кораблей с явным дефицитом тяжелых вымпелов и переизбытком узкоспециализированных судов, которые далеко не все командиры в состоянии нормально применять в бою. А эти транспортные кольца? Мы ведь не видели еще ни одного действующего образца, если не считать того колечка, через которое Лавров запустил крошечный стальной цилиндр из системы Барнарда. Это несерьезно, господин президент. Мы не можем строить нашу оборонную политику, основываясь только на этом сугубо предварительном результате. Слишком высоки ставки.

– В этой войне ставки были высоки всегда, – ответил Тобольский, потеряв ладонью подбородок. – Вы, кстати, неправы по поводу того, что неудачи Лаврова не стали бы для нас катастрофой. Мне тут на днях показали один любопытный отчет о проведенном ретроспективном анализе, который выполнила группа сотрудников моей обновленной службы безопасности. В отчете много подробностей, посвященных математическому моделированию, так что полностью я его не читал, но Игнат подготовил для меня краткую версию с выводами... Я думаю, вам тоже будет полезно с ними ознакомиться.

Министр обороны открыл полученный файл и некоторое время внимательно вчитывался в текст на экране планшета, после чего поднял на президента взгляд, в котором Тобольский увидел смесь удивления и растерянности.

– Кажется, теперь я понимаю, господин президент, поче-

му вы не стали по-настоящему наказывать Лаврова за его самовольные действия. Восемь месяцев назад... То есть, если верить этому отчету, мы уже восемь месяцев живы только благодаря его авантюрам?

– Ну, я бы не стал так упрощать. Один он не сделал бы ничего, но и мы без него не справились бы с ситуацией. Я тоже сначала не верил, но результаты, приведенные в отчете, были перепроверены несколько раз разными аналитиками. Все сходится.

– То есть вы уже все решили, господин президент?

– А у нас есть выбор?

– Вы настолько верите в Лаврова и в его прогнозы?

– Верю, не верю, какая разница? Я вижу результаты, я знаю, что этот человек в сражении за Грумбридж спас жизнь трем сотням миллионов граждан Федерации и мне в том числе, причем и лично приложил к этому руку, и разработал идею всей операции. Теперь Лавров пришел к нам, чтобы спасти еще сотни миллионов, а может, и миллиарды. Он уже доказал, что имеет на это все шансы. Вы, господин министр, готовы сказать ему «нет»?

* * *

Каппа Кита оказалась седьмой по счету системой кваргов, в которую корабль Юна Гао прибыл, руководствуясь информацией, полученной от пленных кваргов, чей мозг удалось

избавить от блока.

Контр-адмирал Лавров поставил разведчикам две задачи. Во-первых, людям Юна Гао следовало добыть информацию о том, к чему готовятся кварги и что они так тщательно скрывают в центральных областях своих звездных систем.

Вторая часть задачи непосредственно касалась пленных людей и ящеров. На допросах кварги либо ничего не могли сказать о том, где их держат, либо указывали три удаленных друг от друга звезды, на планетах которых, возможно, точно не сказал никто, находятся пункты временного содержания пленных. Две из этих звезд разведчики уже посетили, но ничего толкового там не обнаружили. Скверно освоенные системы, небольшие орбитальные заводы, даже терраформированных планет там не оказалось.

Каппа Кита выгодно отличалась от всего, что люди Юна Гао видели раньше. Желтый карлик, очень похожий на Солнце, светился лишь немногим тусклее своего земного коллеги. Пара газовых гигантов, густо облепленных промышленной инфраструктурой кваргов, сразу наводили на мысль, что здесь противник окопался с размахом.

Новые беспилотные разведзонды, оснащенные двигателями ящеров и лучшими комплексами РЭБ от инженера Джеффа, разлетелись по разным векторам, сканируя обстановку в системе. Спустя шесть часов они вернулись.

– Опять та же хрень, – ругнулся Мбиа, глядя на разворачивающееся на проекционном экране изображение очеред-

ной верфи с практически достроенным авианосцем, — они почти перестали строить свои огромные линкоры, зато вот этих корыт наделали не меньше двух десятков, ведь мы наверняка видели не все.

— Обрати внимание, Андре, — прокомментировал замечание разведчика Юн Гао, — корабль уже готов. Я не удивлюсь, если не сегодня-завтра он покинет док. Смотри, в него уже загружают истребители... стоп! А ведь это не истребители, подполковник. Это что-то более крупное, но не торпедоносцы.

Юн Гао увеличил изображение и, наконец, узнал очертания кораблей, которые неспешно загружались в нутро авианосца противника. Именно кораблей, а не истребителей.

— Я их помню. Это носители зондов для противоторпедных сетей, часть системы защиты тяжелых кораблей от торпедных атак. Их грузят в авианосец, значит, применять собираются не для обороны. наших «Невидимок» ждет неприятный сюрприз, Андре.

— Юн, обрати внимание, где стоит этот док, — задумчиво произнес Мбиа. — Не у газового гиганта, как обычно это бывает у нас и у кваргов. Они утащили его к третьей планете, в центральную часть системы. Видимо, очень не хотели, чтобы мы его увидели. Так же было и в других местах, а мы все удивлялись, почему они строят авианосцы в таком секрете. Ну да, эти аппараты по размеру куда больше привычных нам, но авианосец — не линкор, размер здесь такой большой роли

не играет. А дело, похоже, было не в размере, а в начинке.

— Ну, линкоры они тоже строят, но вот их-то как раз кварги демонстративно размещают в верфях, расположенных на окраинах звездных систем. Все это очень плохо. Жаль, что мы не смогли создать цепь гипермаяков, как в прошлый раз, на Земле уже знали бы об угрозе. Нам нужно быстрее возвращаться.

— Мы еще здесь не закончили, Юн, — покачал головой Мбиа, — вторая часть задачи не выполнена. Давай лучше глянем, что принесли остальные зонды.

Первая планета Каппы Кита никакой ценности для разведчиков не представляла. Каменный шарик, наподобие Меркурия, крутился на небольшом расстоянии от звезды, повернувшись к ней одной стороной, на которой царил вечный огненный день. Туда кварги даже не пытались соваться, ограничившись вялым копошением на ночной стороне планеты, где они, видимо, нашли для себя что-то полезное, но не настолько, чтобы очень усердствовать.

Дальше зонд обогнул звезду и вышел ко второму каменному шару, крутившемуся вокруг местного желтого карлика уже куда медленнее, и был он для кваргов, а значит, и для Мбиа с Юном Гао, куда интереснее. Искусственное солнце на орбите планеты отсутствовало. Видимо, естественного излучения Каппы Кита вполне хватало для создания на поверхности приемлемых условий.

А вот над атмосферой кварги явно поработали, не быва-

ет у таких небольших планет столь представительной воздушной шубы. Сканеры зонда подтвердили это подозрение, сообщив о признаках наличия на планете гравикорректора. Практически повсеместная густая облачность не давала возможности получить визуальную картинку с поверхности, но оборудование зонда, использующее разные диапазоны сканирования, четко фиксировало наличие внизу довольно развитой инфраструктуры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.